

DOI <https://doi.org/10.26661/2616-9444-2018-3-05>

УДК 347.121.2(091)(476)

ИМУЩЕСТВЕННЫЕ ПРАВА УЧАСТНИКОВ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОБЩЕСТВ В ИСТОРИЧЕСКОМ И ДОКТРИНАЛЬНОМ АСПЕКТАХ

Нагорная Н.А., ст. преподаватель

*Учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь», ул. Крупской, 67, г. Могилев, Республика Беларусь
e-mail: natali_mla@mail.ru*

Автор статьи исследует тенденции возникновения и развития имущественных прав участников хозяйственных обществ в различные исторические периоды на территории Республики Беларусь. На основании анализа ряда правовых актов, действовавших на территории Республики Беларусь в прошлом, автором рассмотрены становление и развитие имущественных отношений участников коммерческих организаций, выделены и обоснованы основные этапы трансформации содержания права общей собственности в отношении имущества таких организаций, поднята проблема понимания имущественных прав участников хозяйственных обществ с учетом их исторического развития. Автор выделяет пять исторических этапов, характеризующихся типичными признаками. На основе анализа действующего инвестиционного законодательства делается вывод о преемственности правовых традиций и необходимости его дальнейшего совершенствования.

Ключевые слова: право собственности, общая собственность, юридическое лицо, хозяйственное общество, доля в уставном фонде, имущественные права.

МАЙНОВІ ПРАВА УЧАСНИКІВ ГОСПОДАРСЬКИХ ТОВАРИСТВ В ІСТОРИЧНОМУ ТА ДОКТРИНАЛЬНОМУ АСПЕКТАХ

Нагорна Н.А.

*Установа освіти «Могилевський інститут Міністерства внутрішніх справ Республіки Білорусь», вул. Крупської, 67, м. Могильов, Республіка Білорусь
e-mail: natali_mla@mail.ru*

Автор статті досліджує тенденції виникнення й розвитку майнових прав учасників господарських товариств у різні історичні періоди на території Республіки Білорусь. На підставі аналізу низки правових актів, що діяли на території Республіки Білорусь у минулому, автором розглянуто становлення й розвиток майнових відносин учасників комерційних організацій, виділено й обґрунтовано основні етапи трансформації змісту права спільної власності щодо майна таких організацій, порушено проблему розуміння майнових прав учасників господарських товариств з урахуванням їх історичного розвитку. Автор виділяє п'ять історичних етапів, що характеризуються типовими ознаками. На основі аналізу чинного інвестиційного законодавства робиться висновок про спадкоємність правових традицій і необхідність його подальшого вдосконалення.

Ключові слова: право власності, загальна власність, юридична особа, господарське товариство, частка в статутному фонді, майнові права.

THE PROPERTY RIGHTS OF PARTICIPANTS OF ECONOMIC SOCIETIES IN THE HISTORICAL AND DOCTRINAL ASPECTS

Nagornaia N.A.

*Educational institution "Mogilev Institute of the Ministry of internal Affairs of the Republic of Belarus", str. Krupskaya, 67, Mogilev, Republic of Belarus
e-mail: natali_mla@mail.ru*

The relevance of the topic of the article is due to the incompleteness of the current legislation of the Republic of Belarus on the legal regulation of property rights of participants of economic societies, which, in our opinion, is a consequence of the lack of comprehensive studies of this problem in the domestic legal literature.

The purpose of the study is to study the Genesis and development of property relations of participants of economic societies in the Republic of Belarus, to identify their legal nature. To achieve this goal, the author studied the evolution of common property rights, the main stages of transformation of the content of common property rights in relation to the property of commercial organizations.

In accordance with the tasks the author used the historical-legal and logical method.

The author identifies five historical stages of development of the Institute of common property of participants of economic societies, characterized by typical features.

In the study of the first historical stage (before XI century) the author analyzed the basic postulates of Roman private law. Characteristic features of the described historical period can be called: the introduction of the concept of things, the development of the concept of “property”, “private property”, “property as property, public relations”, the increase in economic turnover, the formation of organizations in the form of partnerships, laid the beginning of the modern understanding of the concept of “right to part (share) in the authorized capital”.

The second historical stage (XI–XVIII centuries) is characterized by the formation of the Legal system of the Grand Duchy of Lithuania as a prototype of the Belarusian statehood, taking into account the influence of the advanced achievements of European law, which were based on the rules of Roman private law. Up to XV–XVI centuries, the Grand Duchy of Lithuania remained the customary law, but, as may public authorities, the transition from generally accepted norms of customary law to the norms of the written law. The characteristic features of the stage are: the development of the concept of “legal entity”, the lack of a single definition of the concept of “property”, “the right of common ownership of the property of a legal entity”.

The study of the third historical stage (the beginning of the XIX century to 1917) showed that at the beginning of the XIX century the right of ownership was determined in the legislative acts operating on the territory of Belarus, on the model of Roman sources – as the most complete domination of a person over a thing. In Belarus, which was part of the Russian Empire during this period, commercial organizations (artels, partnerships, joint-stock companies, etc.) were already formed, which are privately owned. Issues relating to property relations arising in such legal entities are reflected in such legal acts as the “Code of laws of the Russian Empire”, “Code of local laws of provinces and regions annexed from Poland”. Over time, the possibility of creating joint-stock partnerships was legislated by the Royal Manifesto on the privileges of merchants (1807), the Regulations on joint-stock companies (1836), included in the code of laws of the Russian Empire and became the main legislative act in force until 1917. However, there remained unresolved issues related to the property relations of the founders of commercial organizations, namely the relationship that develops about the separate property of these organizations, which theoretically can be both real (based on real rights) and binding (based on the rights of obligations).

The fourth historical stage, which the author proposes to call the period of social and collective property (1917–1990), is characterized by the following features: legal entities have civil legal capacity and legal capacity, are endowed with all the features inherent in their modern understanding (organizational unity, separate property, independent responsibility). The main title, which had the state self-financing enterprise to separate them, the property was the right of economic management, which formally belonged to the category of real rights, but in fact it was right as proprietary, and binding characteristics. Private ownership of the property of enterprises was not allowed, and, therefore, there was no question of the emergence of the right of common ownership of two or more persons to the property of the state enterprise.

Speaking about the last historical stage (from 1990 to the present), the author characterizes it as a stage of return of the institution of private property, increase of investment activity of individuals and legal entities.

Summarizing the above, the author comes to the conclusion that the reception of the Roman private law, which later found their reflection in some acts of the Belarusian legislation, as well as the theory developed in the XIX – early XX centuries by civil scientists about the subjectivity of legal entities, about the property relations of participants in economic societies, are not only of historical interest, but also have scientific and cognitive value.

Key words: ownership, common property, legal entity, economic company, share in the statutory fund, property rights.

Очевидно, что для экономики любого государства значимая задача – развитие инвестиционного комплекса страны. Не является в этом вопросе исключением и Республика Беларусь. Несомненно, для развития белорусского права большое значение приобретает сравнительно-правовое изучение опыта зарубежных правовых порядков. Среди множества проблемных вопросов, возникающих в области инвестиционных отношений, актуальным в настоящее время остается вопрос о правовом регулировании имущественных прав участников хозяйственных обществ. И здесь следует отметить, что исследования по данному вопросу учеными проводились либо в рамках публичного права, либо в рамках таких

институтов частного права, как институт правосубъектности юридических лиц и институты отдельных видов договорных обязательств (например, договор купли-продажи инвестиционного имущества, имущественных прав и ценных бумаг, договор коммерческой концессии и др.), тогда как роль норм вещного права как регулятора инвестиционных отношений остается за рамками результатов значимых научных исследований в области права. А ведь вопросы возникновения имущественного права собственности на долю в уставном фонде хозяйственного общества, возникновения права общей собственности на инвестиционное имущество, вопросы сущности вещно-правовой природы ценных бумаг как вида инвестиционного имущества и др., связанные с инвестиционной деятельностью, современны и крайне актуальны. Подобные вопросы, безусловно, в некоторой степени исследуются правоприменителями, но только лишь с целью единообразного правоприменения.

Цель исследования – определить основные этапы с момента возникновения понятия права общей собственности до современного понимания дефиниции права общей собственности участников хозяйственных обществ.

Для достижения поставленной цели автором статьи ставилась задача изучить эволюцию имущественных прав участников хозяйственного общества на разных исторических этапах.

В соответствии с поставленной задачей, автором статьи использовались общенаучные и частнонаучные методы: историко-правовой метод, логический метод.

Изучая процесс формирования и развития доктрины имущественных прав участников хозяйственного общества, мы исследовали эволюцию правового института общей собственности юридического лица, объектов права общей собственности в различные исторические периоды.

Первый исторический этап, который следует выделить, – период наибольшего развития римского частного права (с III в. н.э.) как одного из важнейших проявлений права, оказавшего могущественное влияние на все дальнейшее развитие законодательства и правовых учений общества. На всем протяжении истории общества невозможно встретить другой системы частного права, достигшего такой детализации, столь высокого уровня юридической формы и техники, как римское частное право. В центре частного права стоит единоличный субъект собственности, самостоятельно выступающий в обороте и единолично несущий ответственность за свои действия [1, с. 16].

И, хотя определение права собственности в текстах древнеримских юристов обнаружить нельзя, поскольку основной целью было не теоретическое описание, а практическая сторона права собственности, именно римским юристам принадлежит приоритет в разработке основ права частной собственности: «Римляне, собственно, впервые разработали право частной собственности, абстрактное право, частное право, право абстрактной личности» [2, с. 10].

Разработка понятий права собственности, права общей собственности происходила весьма медленно. В доклассическое время не существовало общего определения собственности, а давалось лишь перечисление отдельных полномочий собственника. В древнейшем праве не было специального термина для обозначения собственности. Весьма древний термин *dominium* означал «господство» и применялся ко всем случаям, когда какая-нибудь вещь находилась в чьей-либо власти. Вещи с древности являлись главным предметом имущественных благ каждого индивида, а также общества в целом. Распределение этих благ между членами общества осуществлялось, впрочем, как и в настоящее время, на основе предоставления отдельным лицам субъективных вещных прав. В связи с этим в римском праве с глубокой древности и, особенно, в классический период стало постепенно выработываться своеобразное понятие вещи, которое не только охватывало вещь как материальный предмет, но и вкладывало в него юридический смысл непосредственной связи лица с вещью, т.е. юридические отношения и права [3, с. 156].

Лишь в конце классического периода (III в. н.э.) завершена разработка частноправового понятия собственности с обозначением термином *proprietas*, обозначавшего в дальнейшем собственность как особо характерное отношение господство над вещами, высшее среди других. Классическая юриспруденция понимала собственность как неограниченное и исключительное правовое господство лица над вещью, как право, свободное от ограничений по существу и абсолютное по своей защите [1, с. 154]. Хотя право собственности и признавалось исключительным правом на вещь, по которому собственником вещи могло быть только одно лицо, и множество прав на одну и ту же вещь не допускалось, римские юристы вынуждены были признать, что в некоторых случаях, в силу сложившейся жизненной ситуации, одна и та же вещь может стать собственностью нескольких лиц. Иными словами, доктрина римских юристов об исключительном характере права собственности вступила в противоречие с реальностью, побудив их искать объяснение этому факту. Так, римские юристы Кв. Муцио Сцевола, Цельс высказывали идею собственности многих лиц на одну вещь в идеальных долях. По мнению Кв. Муцио Сцеволы, каждому из сособственников принадлежит идеальная часть вещи, которую можно представить только мысленно, а не физически. Следовательно, не может быть несколько прав собственности на одну и ту же вещь, но одно право собственности на одну и ту же вещь вполне может принадлежать нескольким лицам. «Не может быть собственность или владение двоих в полном объеме, но они имеют собственность в части на все тело отдельно» (D. 13.6.5.15). Римские юристы считали, что у нескольких лиц возникало право общей собственности в случае, когда каждый из собственников имел доленое право собственности на всю вещь в целом, т.е. когда каждому из собственников принадлежит не доля на вещь, а доля права на вещь. По законам римского права каждый из общих собственников вправе владеть и пользоваться общей неразделенной вещью соразмерно своей доли. Что же касается правомочия распоряжения, то участник общей собственности таким правомочием наделен не был, так как он признавался субъектом только идеальной доли (*pars quota*), а не реальной (*pars quanta*). Все доходы и издержки распределялись пропорционально их идеальным долям в общем имуществе (вещи), и в случае сомнения предполагалось равенство долей собственников.

Наилучшая характеристика общей собственности дается в Дигестах или Пандектах Свода гражданского права. В них приводится следующая позиция Юстиниана словами Сабина: «Сабин говорит, что в отношении общего имущества ни один из собственников вопреки воли другого собственника не может правомерно делать что-либо. Отсюда ясно, что имеется право воспрещения. Если один из собственников сделал что-либо в отсутствие другого собственника к вреду для последнего, то сделавший может быть принужден уничтожить сделанное им» [4, с. 221].

Римскими юристами прорабатывался также вопрос правового регулирования имущественных правоотношений, возникающих между физическими лицами по поводу их участия в деятельности товариществ. Хотя данные объединения еще нельзя назвать юридическими лицами, поскольку они не обладали ни полной сделкоспособностью, ни полной деликтоспособностью в современном понимании, тем не менее, у участников таких образований уже возникало право общей доленой собственности на имущество, внесенное в товарищество для его деятельности. Договорная практика товарищеских соединений и события, не зависящие от воли их будущих участников, например, при совместном наследовании, создавали положения, когда нужно было определить взаимоотношения лиц, из которых каждое притязало на право собственности на вещь наряду с другими лицами. Если несколько лиц заключают договор товарищества (*societas*), среди них возникает общая собственность (гражданская или преторская). В этом случае каждый из сособственников является субъектом идеальной доли (*parte quota*, в отличие от *parte quanta* – реальной доли) в праве на вещь, по конструкции *parte pro indiviso* (доля в неразделенном целом) (D.

50.16.25.1). Солидарная собственность, когда каждый из нескольких сособственников имеет полное право на всю вещь, считается невозможной (D. 49.17.19.3) [4, с. 276].

В другом источнике римского права, Институциях Гая, заложено начало современного понимания понятия «право на часть (пай) в уставном фонде». Также свой эволюционный путь прошло и понятие «имущество», что привело к использованию концепции «бестелесное имущество». Римское право делило вещи на телесные и бестелесные (идеальные). В Институциях пишется, что бестелесные (идеальные) вещи – это вещи, которые не могут быть осязаемыми. К таким принадлежат обязательства. Соответственно, право на часть можно рассматривать как бестелесную вещь. Причем бестелесными (идеальными) вещами имелись ввиду не обязательства в целом, а имущественные права кредиторов как составляющие обязательств и (или) некий прообраз долей в праве общей собственности, а возможно, и доли в праве требования кредитора в активном долевом обязательстве. Менее вероятно, чтобы бестелесными вещами считались обычные права требования, так как за ними стояло и стоит последующее овеществление или прекращение. Полагаем, что римские разработчики Институций пытались разработать некий симбиоз между конструкцией долевой собственности и долевым правом требования кредиторов на передачу вещи.

Подобно Кв. Муцию Сцеволе, на идее собственности многих лиц на одну вещь в идеальных долях подробно останавливается другой римский юрист Цельс [5, с. 547]. Цельс подчеркивал, что идеальные части постигаются более сознанием, чем физически, а потому выдвинул идею одновременного существования собственности на всю вещь в нераздельности и собственности на определенную ее долю, принадлежащую каждому из общих собственников. Цельс характеризует отношение общей собственности так, что каждому из сособственников принадлежит не доля вещи, а доля права на вещь. Понимание отношения права общей собственности в качестве долевого права на всю вещь приводило к тому, что, если право собственности одного из участников этой общности почему-либо отпадало, право другого – расширялось, например, отказ от права собственности со стороны одного из двух участников общности приводило к тому, что право другого начинало осуществляться полностью. Иначе говоря, Цельс считал, что не может существовать собственности или владения двух лиц в целом: и никто не является собственником части предмета, но имеет собственность на часть всего нераздельного целого [6, с. 238]. Для принятия необходимых мер к сохранению вещи каждый участник мог требовать согласия остальных участников. Каждый участник мог отчуждать и обременять свою долю в общей собственности. В этой же доле он мог защищать свое право против третьих лиц. Отношения общих собственников источниками характеризовались как отношения лиц, как бы взаимно связанных между собой соглашением, даже если они попадали в состояние общности случайно. Эта общность называлась *communio in guam incidimus* – общность, в которую мы впадаем, то есть случайная; отсюда название *communio incidens*. Развивавшийся индивидуализм производственных отношений способствовал борьбе против коллективных форм собственности, и римские юристы провозгласили два правомочия общих собственников: право воспрещения любым из участников Актов распоряжения со стороны других и право каждого участника требовать раздела общей собственности (кроме тех случаев, когда интересы самой вещи и ее качеств требовали временного недопущения раздела). В римском частном праве устанавливалась потенциальная распорядительная власть долевого собственника на вещь в целом.

Исходя из изложенного, следует подчеркнуть, что в юридических источниках римского частного права до конца классического периода не сложилось устойчивой, завершенной и общепринятой терминологии для обозначения правоотношений общей собственности. С этого времени следует отсчитывать возникновение центральной проблемы уяснения сущности права общей собственности – определение существа доли.

Иллюстрацией сформулированного нами вывода является яркий фрагмент Павла из завершающей книги Дигест: «... и не будет сложным утверждать, что моим является все, на

что не может быть какой-либо доли (pars) другого (лица); так и Юлиан говорит и это более верно» (D. 50.16.25) [4, с. 96]. Тем не менее, некоторые категории, разработанные римскими учеными-правоведами, явились основой для дальнейшего формирования нормативной базы и новых цивилистических исследований в области корпоративных отношений.

Стремительное развитие производственных отношений, развивающийся их индивидуализм способствовали развитию римскими юристами концепции о наличии двух правомочий общих собственников – право каждого участника общей собственности требовать ее раздела и право воспрещения любым из участников актов распоряжения со стороны других лиц (кроме тех случаев, когда интересы самой вещи и ее качеств требовали временного недопущения раздела). Таким образом, можно сделать вывод с достаточной долей условности, что первым прообразом хозяйственных обществ были регулируемые римским правом объединения частных лиц в форме *universitas* – субъект права, все члены которого входят в образованное ими объединение.

Проанализировав современное гражданское законодательство Республики Беларусь, можно сделать вывод, что классические институты древнеримского права остаются актуальными и в настоящее время. Это прослеживается как в общих положениях и принципах права, так и отдельных институтах вещного, обязательственного, наследственного права. Ф. Энгельс писал: «Римское право является настолько классическим юридическим выражением жизненных условий и конфликтов общества, в котором господствует чистая частная собственность, что все позднейшие законодательства не могли внести в него никаких существенных улучшений» [7, с. 412].

Также в статье мы хотим рассмотреть исторический аспект возникновения имущественных прав участников хозяйственных обществ в рамках его развития на территории Республики Беларусь. Следует отметить, что важным для экономического развития белорусского государства стало уточнение законами отношений между правовыми субъектами в сфере вещного права, прежде всего, в имущественной сфере в отношении возникающих правомочий владения, пользования и распоряжения своей собственностью. Наряду с укреплением вещных прав собственников на общую совместную собственность развивались и обязательственные правоотношения, объектом которых являлись действия (передача вещи, денег и т.п. от одного собственника (собственников) к другому (другим)). Соответствующие тенденции прослеживались и в наследовании. Для исследования представляет интерес изучение таких древних источников права, действующих на территории белорусских земель в разные века, как Статуты Великого княжества Литовского и постановления Русской Правды. Так, например, в Статуте 1588 года имеются разделы, содержащие семейно-имущественные и наследственные нормы. В нем впервые регламентировался порядок наследования совместно нажитого имущества в браке, которое в отсутствие детей полностью переходило пережившему супругу [8, с. 79]. Логично изложенная структура Статута, лаконичный язык изложения норм являются прямым свидетельством того, что авторы кодификации знали и умело применяли на практике передовую для своего времени теорию права, базировавшуюся на основе достижений римского права [9, с. 54].

Однако в Статутах Великого княжества Литовского как основных правовых источниках, действующих в вышеуказанный период времени на территории Беларуси, не содержалось ни общего определения понятия «собственность», ни тем более какого-либо определения понятия «право общей собственности» на имущество юридических лиц. Феодальное право даже на поздних ступенях своего развития не проводило четкой границы между отдельными формами вещно-правового господства, хотя отсутствие границ между видами и формами собственности не означало отсутствия общей собственности нескольких субъектов. Отношения по поводу общей собственности и прав на нее, безусловно, имели место, однако в течение ряда столетий гражданское право обходилось даже без особого технологического термина для обозначения права собственности.

Постоянные геополитические и территориальные изменения повлияли на социально-экономическое развитие территорий современной Белоруссии и на то, что нормы обычного права были заменены на нормы писаного. Для цивилистов наибольший интерес представляет один из трех памятников, входящих в состав Русской Правды, – Пространная Правда, содержащая в себе Устав Владимира Мономаха, в котором при преимущественном преобладании статей, связанных с уголовной ответственностью, содержатся тридцать восемь статей, посвященных гражданским правоотношениям. Некоторые из них регулируют отношения, возникающие при наследовании имущества, входящего в общую собственность супругов, при разделе наследованного имущества, с ярко выраженными привилегиями для феодалов (ст. ст. 96, 103–105) [10, с. 120–121]. Однако описанный нами исторический период в древнерусском праве В.И. Сергеевич описывал в трудах следующим образом: «... самое слово «собственность» в древнее время не было известно. Вместо него употреблялись описательные выражения: моя, твоя земля, моя купля» [11, с. 524–525]. Об отсутствии понятия «право собственности», отсутствии четкой правовой конструкции отношений по поводу возникновения правомочий собственника утверждал и А.В. Венедиктов: «... в отличие от римского права, резко отграничивавшего право собственности как от владения, так и от вещных прав на чужую вещь, феодальное право даже и на поздних ступенях своего развития не проводило столь же четкой границы между отдельными формами вещно-правового господства. Разумеется, это было так, однако отсутствие границ между видами и формами собственности, еще не означало отсутствия правил раздела общей собственности. В течение ряда столетий оно обходилось даже без особого технологического термина для обозначения права собственности. В Германии соответствующая терминология образовалась лишь в XIII–XVI вв., а в России термины «собственность» и «право собственности» появились лишь в XVIII веке» [12, с. 102–103]. Изучение содержания Русской Правды показало, что после нескольких веков относительного забвения реципированное средневековыми юристами понятие «юридическое лицо» значительно развилось и стало приобретать присущие современному юридическому лицу черты, однако в основном черты некоммерческой организации. При анализе процесса рецепции норм римского частного права на правовую систему средневековой и феодальной Беларуси выявлен факт использования реципированных институтов в отечественном праве раньше получения их официального закрепления в источнике права. Очевидная недостаточность источников не дает возможности дать четкого представления о том, как развивались отношения по поводу общей, коллективной собственности.

После присоединения белорусских земель к Российской империи (XIX – начало XX вв.) все имущественные отношения, возникающие в корпорациях, регулировались Сводом законов Российской империи. Кроме этого, на территории империи действовал также закон «Свод местных законов губерний, областей, присоединенных от Польши». Однако введение в действие Свода законов Российской империи не исключило правоприменения ряда норм римского частного права на территории Беларуси. В указанный период, несмотря на возникновение коммерческих организаций (корпораций), суть их деятельности первоначально оставалась на законодательном уровне не в полной мере урегулированной, что негативно отражалось на их деятельности. В начале XIX в. появляются первые нормативные правовые акты, регулирующие деятельность акционерных компаний. Основными организационно-правовыми формами юридических лиц этого периода являлись некоторые виды товариществ: полные товарищества, товарищества на веру и «товарищества по территориям», также товарищества, которые имели сложный капитал. Но при этом суть их деятельности не была урегулирована, что негативно отразилось на деятельности корпораций. Со временем возможность создания акционерных товариществ законодательно закреплена царским Манифестом 1807 года «О привилегиях купечеству». Однако главным актом, действующим до 1917 года, стало утвержденное законом в 1836 году Положение об акционерных компаниях, вошедшее в Свод законов Российской империи. В этом Положении детально регламентировались следующие вопросы: размеры капитала, необходимого для

основания компании, раздел его на акции, стоимость одной акции, правила ее продажи и другие. Однако корпоративное нормотворчество, которое осуществляли сами компании, часто не соответствовало указанному Закону. Компании разрешали обращение акций (продажу, дарение и т.д.) при условии, что их не будут считать долями в уставном фонде. Акции считались объектами вещных прав, если они признавались вещами, которые разрешалось продавать, дарить, а доли в уставном фонде не рассматривались как самостоятельные объекты гражданских прав. Также допускалось создавать неакционерные общества с уставным фондом, разделенным на доли при неопределенном статусе самих долей. Внутри компаний ограничивалась свобода акционеров распоряжаться своими акциями [13, с. 66–69].

Характеризуя третий исторический этап развития института имущественных правоотношений участников хозяйственных обществ (начало XIX в. – 1917 год) следует отметить, что среди ученых-цивилистов указанного периода отсутствовало единое понимание вопросов, касающихся понятий «право собственности юридического лица», «доля в праве общей собственности», и других вопросов.

Так, выдающийся дореволюционный цивилист, профессор Г.Ф. Шершеневич указывал на дискуссионность вопроса о возникновении права собственности юридического лица. В целом все, что касается физических лиц, касается и так называемых «фиктивных образований» – юридических лиц, поскольку «юридическое лицо есть воображаемое лицо». Раскрывая природу юридического лица, Г.Ф. Шершеневич отмечал, что оно является «фиктивным субъектом», только «юридическим средством, которым действует физическое лицо» [15, с. 162]. Ученый указывал на возникновение такого обстоятельства, когда множество лиц с целью совместного достижения общей экономической цели складывают свои небольшие взносы в значительный капитал, чтобы вручить его в дальнейшем одному или нескольким лицам, которые от своего имени совершали бы все необходимые сделки. Г.Ф. Шершеневич утверждал, что с целью избегания риска взыскания капитала, переданного частными лицами (называя их современным языком инвесторами), кредиторами, имущество, переданное в качестве капитала, «обособляемое экономически для достижения известной общей цели, следует обособить также юридически» [9, с. 124].

Необходимо отметить, что Г.Ф. Шершеневич был сторонником теории фикции, возникшей в начале XIX в. на территории Европы и разработанной Фридрихом Карлом фон Савиньи. Теория фикции рассматривала юридические лица как вымышленные создания, образованные в интересах потребностей людей. Ее исходный пункт – то, что право установлено в интересах потребностей людей, поэтому носителем прав и обязанностей может быть только человек [16, с. 37–47]. Отрицание юридического лица мы находим и в теории Рудольфа фон Иеринга, утверждавшего, что имущество юридического лица служит физическим лицам его составляющим, а не самому юридическому лицу. Р. фон Иеринг утверждал, что «истинный носитель права, дестинатарий, – всегда человек» [16, с. 127]. Г.Ф. Шершеневич предполагал в качестве последствий признания юридического лица фиктивным субъектом для определения статуса обособленного имущества учредителей – право общей собственности учредителей.

Против теории фикции выступили сторонники реалистической теории юридических лиц. Это германские ученые Карл Георг фон Безелер, Отто Фридрих фон Гирке, которые утверждали, что юридическое лицо – реально существующий субъект, а значит, вправе быть наделенным имущественными правами, обособленным правом от иных лиц. Предпочтение реалистической теории юридических лиц отдали в дальнейшем российские цивилисты, такие как А.В. Венедиктов [12, с. 674], С.Н. Братусь [17, с. 75], О.С. Иоффе [18, с. 126], Д.М. Генкин [13, с. 17] и др.

На наш взгляд, частично можно согласиться со сторонниками и теории фикции, и реалистической теории. Действительно, во внешнем выражении юридическое лицо – это

фикция, так как, само по себе не являясь одушевленным лицом, лишено психологического интереса. С другой стороны, в отношении права собственности юридическое лицо наделяется правом собственности, в том числе и правом общей собственности на имущество, так как фигуранты его – участники (учредители) юридического лица, являются реальными, одушевленными. Иными словами, не столько важно внешнее выражение юридического лица, сколько степень трансформации прав и обязанностей юридического лица в право на общее имущество, в права и обязанности физических лиц, стоящих за юридическим лицом.

Также дискуссионным являлся и остается вопрос, что есть «доля» в праве общей собственности. В науке гражданского права доля рассматривается как доля в праве общей собственности (Д.М. Генкин, Е.А. Суханов), доля в стоимости имущества (Г.Ф. Шершеневич), идеальная доля в самой вещи (Д.И. Мейер).

Основания для указанных воззрений сохраняются в современном гражданском законодательстве, поскольку в одних случаях речь идет о доле в общем имуществе (ст. ст. 253, 255 Гражданского кодекса (далее – ГК) Республики Беларусь), в других – об определении долей каждого из собственников в праве собственности (ст. 247 ГК Республики Беларусь). По нашему мнению, концепция доли в имуществе, а как производная от нее – доля в стоимости имущества, нивелирует саму идею общей собственности, поскольку влечет уничтожение общности. Теория идеальной доли в самой вещи не отражает общность как состояние присвоенности имущества несколькими лицами. Только доля в праве общей собственности может объяснить и сохранить существо самой общей собственности.

Таким образом, разработанные в начале XX в. учеными-цивилистами теории о субъектности юридических лиц и об имущественных правах участников хозяйственных обществ не только представляют сугубо исторический интерес, но и не утрачивают своего научно-познавательного значения и в настоящее время.

Изучение четвертого выделенного нами исторического периода эволюции имущественных отношений участников хозяйственных обществ (1917–1990 гг.) показало, что изменения государственного строя вследствие революции 1917 года привели и к изменениям в экономических отношениях. Оживление хозяйственной инициативы в начале 1920-х гг. (период нэпа) характеризовалась образованием и началом деятельности различных товариществ и кооперативов. Это было закреплено и в ГК 1922 года, где в разделе «Обязательственное право» содержалась специальная глава X, целиком посвященная товариществам. В данной главе содержались нормы о полных товариществах, товариществах на вере, товариществах с ограниченной ответственностью, об акционерных (паевых) товариществах. Кодекс закрепил порядок их образования, функционирования и ликвидации. В 1927 году был принят общесоюзный нормативный акт – Положение об акционерных товариществах, где определялось, что целью образования государственных акционерных товариществ является не формирование капитала, а хозяйственная деятельность. Акции, не подлежали котировке на бирже, не переходили из рук в руки как товар, а играли роль паев, объединяющих субъектов. Таким образом, акции фактически утратили признаки объектов вещных прав и обрели статус документов, подтверждающих участие в коммерческих организациях, который был близок к статусу кредитора в долевом обязательстве по отношению или к самому юридическому лицу, или к его управляющему как должнику. В вышеуказанном Положении говорилось, что государственные и смешанные акционерные товарищества только по форме были акционерными товариществами, а по сути являлись государственными предприятиями. То есть данный исторический период представляется как переход к полной государственной собственности. С конца 1920-х гг. и особенно 1930-х гг. наметилась тенденция огосударствления экономики и создание административно-командной системы управления ею, отпала необходимость в правовом регулировании товариществ как организации, созданной на добровольном объединении имущества различных собственников. Согласно ст. ст. 4, 5 Конституции СССР, принятой 5 декабря 1936 года VIII Всесоюзным чрезвычайным съездом Советов и действовавшей до 1977 года, экономическую

основу СССР составляли социалистическая система хозяйствования и социалистическая собственность на орудия и средства производства. Социалистическая собственность в СССР имела либо форму государственной собственности (всенародное достояние), либо форму кооперативно-колхозной собственности (собственность отдельных колхозов, собственность кооперативных объединений) [19]. Хотя в Конституции СССР 1936 года и было впервые применено понятие «форма собственности», однако еще не было раскрыто его содержание, не выявлены субъекты, не были созданы равные правовые условия взаимодействия и защиты многообразных форм собственности при социалистическом строе. В отличие от государственной социалистической собственности, являющейся всенародной и принадлежащей исключительно советскому государству, кооперативно-колхозная собственность являлась собственностью отдельных колхозов и кооперативных организаций. Поскольку к субъектам кооперативно-колхозной собственности относились организации, имеющие социалистический характер, а также в силу того, что кооперативное и колхозное производство велось на основе обобществления средств производства, данная форма собственности являлась общественно-социалистической. Иначе можно ее охарактеризовать одновременно как собственность коллектива и социалистическую собственность. Конституция СССР 1936 года признавала личную и частную собственность. Личная собственность была призвана обеспечивать личные потребности граждан, но не могла использоваться для извлечения доходов. Частная собственность должна была быть основана на личном труде, исключающим эксплуатацию чужого труда, но предполагала, в отличие от личной, возможность извлечения дохода. Поскольку государственная собственность приобрела монополию, господство на всей территории СССР, то государство как собственник в лице органов управления определяло целесообразность образования и организационно-правовые формы объединения своего имущества. Гражданам была оставлена только возможность «заключать договор о совместной деятельности лишь для удовлетворения своих личных бытовых нужд». В части 2 ст. 434 ГК БССР 1964 г. указывалось, что «денежные или иные имущественные взносы участников договора, а также имущество, созданное или приобретенное в результате их совместной деятельности, являются их общей собственностью» [20].

Подводя итог характеристике четвертого обозначенного нами в начале статьи исторического этапа, следует отметить, что аналогичная 1917 году ломка отношений общей собственности происходит на территории Республики Беларусь. С распадом СССР произошел уход от абсолютной государственности юридических лиц к образованию частных хозяйственных обществ, к возникновению современных понятий «имущественные права инвестора», «инвестиционное имущество» и т.д.

Говоря о последнем историческом этапе (с 1990 года по настоящее время), следует сказать, что первый прорыв по внесению ясности в вопросы права собственности произошел с момента принятия Закона Республики Беларусь «О собственности Республики Беларусь» (1990 год). В этом законодательном акте раскрывается содержание таких правовых категорий, как частная собственность, как право общей долевой и совместной собственности. Однако основную роль в развитии правовой базы и устранении «белых пятен» в регулировании имущественных отношений в инвестиционной деятельности хозяйственных обществ сыграл комплекс законодательных актов, главные из которых – Закон Республики Беларусь «О хозяйственных обществах» (1992 год), Гражданский кодекс Республики Беларусь (1998 год), Закон Республики Беларусь «Об инвестициях» (2013 год), Закон Республики Беларусь «Об инвестиционных фондах» (2017 год).

Таким образом, в результате проведенного исследования можно выделить следующую периодизацию становления и развития правового регулирования общей собственности, имущественных прав участников хозяйственных обществ в Республике Беларусь: 1) первый этап (до XI в.) – возникновение в Древнем Риме института общей долевой собственности, образование первых объединений граждан – товариществ, со внесением пая (доли)

имущества каждого для дальнейшего получения прибыли от своей хозяйственной деятельности; 2) второй этап (XI–XVIII вв.) – возникновение понятий «собственность», «право общей собственности» на территории Беларуси. Появление юридических лиц, в основном не коммерческих, но не наделенных всеми признаками юридического лица в современном понимании; 3) третий этап (XVIII в. по 1917 год) – возникновение коммерческих организаций частной формы собственности (артелей, товариществ, акционерных обществ), наделенных всеми признаками юридического лица, активное развитие института правового регулирования имущественных прав участников (учредителей) акционерных хозяйственных обществ; 4) четвертый этап (1917–1994 гг.) – плановое развитие экономики, юридические лица обладают гражданской правоспособностью и дееспособностью, наделены всеми присущими в современном их понимании признаками (организационным единством, обособленным имуществом, самостоятельной ответственностью). Юридическими лицами признаются государственные предприятия, учреждения, организации, а также кооперативно-колхозные, общественные. Существует общая собственность – долевая и совместная. В отношениях между организациями собственность всегда является долевой, а в отношениях между гражданами – общей долевой – в случае совместной покупки, строительства, наследования либо общей совместной при условии брачно-семейных отношений. Личную собственность граждан составляли предметы потребления, полученные в качестве вознаграждения как оплата труда, а также продукты, произведенные на приусадебных участках, находящихся в пользовании физических лиц; 5) пятый этап (с 1990 года по настоящее время) – условно можно назвать «корпоративно-инвестиционным», характеризуется созданием и развитием института инвестиционных отношений в сфере хозяйствования, расширением организационно-правовых форм и видов деятельности, развитием законодательства, направленного на привлечение инвестиций не только отечественных и иностранных юридических лиц, но и граждан.

Исследуя эволюцию имущественных прав участников хозяйственных обществ в различные исторические периоды, можно сделать вывод, что деятельность коммерческих юридических лиц требует совершенствования законодательства с учетом правовой основы, заложенной еще в дореволюционную эпоху, и особенностей современности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Римское частное право / под ред. проф. И.Б. Новицкого и проф. И.С. Перетерского. Москва: ИД «Юриспруденция», 2009. 464 с.
2. Нерсесянц В.С. Взгляды К. Маркса на государство в работе «К критике гегелевской философии права». *Правоведение*. 1968. № 2. С. 7–14.
3. Памятники римского права: Закон XII таблиц. Институции Гая. Дигесты Юстиниана. Москва: Зерцало, 1997. 608 с.
4. Дигесты Юстиниана / отв. ред. Л.Л. Кофанов. Москва: Статут, 2006. Т. VIII: Статьи и указатели. 667 с.
5. Яковлев В.Н. Древнеримское частное право и современное российское гражданское право: учебник / предисловие: С.Д. Бунтов, Н.В. Кузнецова, А.А. Подопригора. Москва: Волтерс Клувер, 2010. 960 с.
6. Дождев Д.В. Римское частное право: учебник пособие для вузов / под общ. ред. акад. РАН, д. ю. н., проф. В.С. Нерсесянца. 2-е изд., изм. и доп. Москва: Норма, 2006. 704 с.
7. Маркс К., Энгельс Ф. О разложении феодализма и возникновение национальных государств: в 30 т. Москва: Соцэргиз, 1961. Т. 21. 751 с.
8. Статут Вялікага княства Лігоускага 1588 / пер. на беларус. мову А.С. Шатун. Мінск: Беларусь. 207 с.

9. Ермолович В.И. Рецепция норм римского частного права как один из источников развития права Беларуси: история и современность. *Юстыцыя Беларусі = Юстиция Беларуси: юридический научно-практический журнал* / учредитель: Министерство юстиций Республики Беларусь. 2012. № 4. С. 53–57.
10. Юшков С.В. Русская Правда. Происхождение, источники, ее значение / под ред. и с предисл. В.А. Томсинова. Москва: Зерцало, 2010. 352 с.
11. Сергеевич В.И. Лекции и исследования по древней истории русского права. 4-е изд., доп. и испр. Санкт-Петербург: Тип. М.М. Стасюлевича, 1910. 675 с.
12. Венедиктов А.В. Государственная социалистическая собственность / отв. ред. В.К. Райхер. Москва – Ленинград: АН СССР, 1948. 839 с.
13. Памятники российского права: в 35 т. Москва: Юрлитинформ, 2013. Т. 1: Памятники права древней Руси: учебно-научное пособие / под общ. ред. докт. юрид. наук, проф. Р.Л. Хачатурова. 528 с.
14. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права (по изд. 1907 г.). Москва: Спарк, 1995. 555 с.
15. Маньковский И.А. Теория юридического лица / под ред. В.Г. Тихини. Минск: ОО «Молодеж. науч. об-во», 2002. 170 с.
16. Братусь С.Н. Юридические лица в советском гражданском праве. Москва: Юрид. изд-во Министерства юстиции СССР, 1947. С. 75.
17. Иоффе О.С. Советское гражданское право. Ленинград: ЛГУ, 1958. 480 с.
18. Генкин Д.М. Значение применения института юридического лица во внутреннем и внешнем товарообороте СССР. *Сб. науч. раб. Моск. ин-та нар. хоз-ва*. Вып. 9. Москва: Госторгиздат, 1955. С. 12–23.
19. Президентская библиотека. URL: <https://www.prilib.ru> (дата обращения: 23.08.2018).
20. Гражданский кодекс БССР, 11 июня 1964 г. *Собрание законодательства БССР*. 1964. № 17. Ст. 434.

REFERENCES

1. Rimskoe chastnoe pravo: Pod. red. prof. I.B. Novickogo i prof. I.S. Pereterskogo. Moscow: ID «Yurisprudenksiya», 2009. 464 s.
2. Nersesyanc V.S. Vzglyady K. Marksa na gosudarstvo v rabote «K kritike gegelevskoj filosofii prava». *Pravovedenie*. 1968. № 2. S. 7–14.
3. Pamyatniki rimskogo prava: Zakon XII tablic. Institucii Gaya. Digesty Yustiniana. Moscow: Zercalo, 1997. 608 s.
4. Digesty YUstiniana / отв. Red. L.L. Kofanov. Moscow: Statut, 2006. Tom VIII: Stat'i i ukazateli. 667 s.
5. Yakovlev V.N. Drevnerimskoe chastnoe pravo i sovremennoe rossijskoe grazhdanskoe pravo: uchebnik / pridisl. S.D. Buntov, N.V. Kuznecova, A.A. Podoprighora. Moscow: Volters Kluver, 2010. 960 s.
6. Dozhdev D.V. Rimskoe chastnoe pravo: uchebnik posobie dlya VUZov / Pod obshch. red. akad. RAN, d.yu.n., prof. V.S. Nersesyanca. 2-e izd., izm. i dop. Moscow: Norma, 2006. 704 s.
7. Marks K., Ehngel's F. O razlozhenii feodalizma i vzniknovenie nacional'nyh gosudarstv: v 30 t. M.: Socehgiz, 1961. T. 21. 751 s.

8. Statut Vyalikaga knyastva Ligouskago 1588 / Per. na belarus. movu A.S. Shatun. Minsk: Belarus'. 207 s.
9. Ermolovich V.I. Recepciya norm rimskogo chastnogo prava kak odin iz istochnikov razvitiya prava Belarusi: istoriya i sovremennost'. *YUstycyya Belarusi = YUsticiya Belarusi: yuridicheskij nauchno-prakticheskij zhurnal* / uchreditel: Ministerstvo yusticij Respubliki Belarus'. 2012. № 4. S. 53–57.
10. Yushkov S.V. Russkaya Pravda. Proiskhozhdenie, istochniki, ee znachenie / pod red. i s predisl. V.A. Tomsinova. Moscow: Zercalo, 2010. 352 s.
11. Sergeevich V.I. Lekcii i issledovaniya po drevnej istorii russkogo prava / zasl. ord. prof. S.-Peterb. un-ta. 4-e izd., dop. i ispr. Sankt-Peterburg: Tip. M.M. Stasyulevicha, 1910. 675 s.
12. Venediktov A.V. Gosudarstvennaya socialisticheskaya sobstvennost' / Otv. red.: Rajher V.K. Moscow – Leningrad: AN SSSR, 1948. 839 s.
13. Pamyatniki rossijskogo prava: v 35 t. Moscow: YUrlitinform, 2013. T. 1: Pamyatniki prava drevnej Rusi: uchebno-nauchnoe posobie / pod. obshch. red. dokt. yurid. nauk, prof. R.L. Hachaturova. 528 s.
14. SHershenevich G.F. Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava (po izd. 1907 g.). Moscow: Spark, 1995. 555 s.
15. Man'kovskij I.A. Teoriya yuridicheskogo lica / Pod red. V.G. Tihini. Minsk: OO «Molodezh. Nauch. ob-vo», 2002. 170 s.
16. Bratus' S.N. YUridicheskie lica v sovetskom grazhdanskom prave. Moscow: YUrid. izd-vo Ministerstva yusticii SSSR, 1947. S. 75.
17. Ioffe O.S. Sovetskoe grazhdanskoe pravo. Leningrad: LGU, 1958. 480 s.
18. Genkin D.M. Znachenie primeneniya instituta yuridicheskogo lica vo vnutrennoem i vneshnem tovarooborote SSSR. *Sb. nauch. rab. Mosk. In-ta nar. Hoz-va. Vyp. 9*. Moscow: Gostorgizdat, 1955. S. 12–23.
19. Prezidentskaya biblioteka. URL: <https://www.prlib.ru> (data dostupa: 23.08.2018).
20. Grazhdanskij kodeks BSSR, 11 iyunya 1964 g. *Sobranie zakonodatel'stva BSSR*. 1964. № 17. St. 434.